

Милая Роуз Голд

Автор:

Стефани Вробель

Милая Роуз Голд

Стефани Вробель

Trendbooks

Первые восемнадцать лет своей жизни Роуз Голд считала себя смертельно больной. Она практически жила в больнице, передвигалась на инвалидной коляске и почти ничего не ела. Врачи разводили руками – никто не мог понять, что происходит с девочкой. Оказывается, все это время Роуз Голд была абсолютно здорова. А вот ее мать, Пэтти Уоттс, была больна – лгунья, искусный манипулятор, она питала нездоровую страсть подливать отраву в ужин дочери.

Пэтти получила по заслугам. После пяти лет тюрьмы ей некуда податься. Она просит дочь хотя бы на время приютить ее. На удивление, Роуз Голд соглашается: она давно ждала возвращения матери.

С. Вробель

Милая Роуз Голд

Оригинальное название: THE RECOVERY OF ROSE GOLD

Copyright © Stephanie Wrobel, 2020

Изображения на обложке: <https://www.shutterstock.com/>

Дизайн обложки: Emily Osborne

Опубликовано по согласованию с Madeleine Milburn Ltd и The Van Lear Agency LLC

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2021

Издательство Clever

Книги – наш хл?бъ

Наша миссия: «Мы создаём мир идей для счастья взрослых и детей»

Генеральный директор Александр Альперович

Главный редактор Елена Измайлова

Арт-директор Лилу Рами

Ведущий редактор Алина Сафронова

Редактор Дарья Козлова

Корректоры Батыр Эсенов, Надежда Власенко

?

1.

Пэтти

День выхода на свободу

МОЕЙ ДОЧЕРИ НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО было давать против меня показания. Но она все же решила это сделать.

Да, Роуз Голд виновата в том, что я села в тюрьму. Но ответственность лежит не только на ней. Если уж показывать пальцем, то свою лепту внесли прокурор с нездоровым воображением, излишне доверчивые присяжные и кровожадные журналисты. Им нужна была история. (Доставайте попкорн, история вышла что надо.)

Жила-была одна злая-злая женщина. Однажды у нее родилась дочка. Девочка была слаба и тяжело болела. Она питалась через трубку, у нее выпадали волосы, а передвигалась бедняжка на инвалидной коляске. Восемнадцать лет доктора разводили руками, не понимая, что с девочкой.

А потом появились два бравых полицейских и спасли девочку. Вы только посмотрите: выяснилось, что девочка была абсолютно здорова, зато мать оказалась больным чудовищем! Прокурор рассказал всем, что она травила собственного ребенка на протяжении многих лет. Это мать была виновата в том, что девочку все время тошнило, что она страдала от истощения. Жестокое обращение с ребенком при отягчающих обстоятельствах – вот как это назвали. Мать заслужила наказание.

Сразу после ее ареста налетели стервятники-репортеры. Они хотели нажиться на истории разрушенной семьи. В заголовках они требовали расправы над «Ядовитой Пэтти», «манипуляторшей», которой перевалило за пятьдесят. Все друзья матери поверили в эту ложь. Городок всколыхнулся в волне праведного гнева. Все адвокаты, копы и соседи считали себя благородными рыцарями, спасателями бедняжки. Они заперли мать в темнице и выбросили ключ. Свершилось правосудие, а потом почти все жили долго и счастливо. Конец.

Но где были все эти адвокаты, когда мать в тысячный раз соскребала с ковра дочкину рвоту? Где были копы, когда эта самая мать ночи напролет сидела за медицинскими справочниками? Где были соседи, когда малышка еще до рассвета начинала звать мамочку?

Объясните мне: если я почти двадцать лет издевалась над собственной дочерью, то почему она предложила сегодня забрать меня из тюрьмы?

Коннолли подходит к моей камере ровно в полдень, как и обещал.

– Готова, Уоттс?

Я вскакиваю с койки, похожей на печенюку «Поптарт»[1 - Прямоугольное печенье с начинкой, покрытое глазурью.], и расправляю грубую униформу цвета хаки.

– Да, сэр!

Я превратилась в пташку, готовую чирикать по команде.

Пузатый надзиратель достает большую связку ключей и, насвистывая, открывает дверь камеры. Я у Коннолли любимица.

У койки сокамерницы я останавливаюсь. Мне не хочется устраивать сцену, но Алисия уже сидит у стены, обхватив колени руками. Она поднимает на меня взгляд и начинает рыдать. Она выглядит намного моложе своих двадцати.

– Ш-ш, ш-ш. – Я наклоняюсь и обнимаю бедняжку, пытаюсь украдкой взглянуть на ее перебинтованные запястья, но она замечает. – Не забывай наносить мазь и менять повязки. Чтобы не было инфекции, – говорю я, поигрывая бровями.

Алисия улыбается. На щеках блестят слезы. Она икает.

– Хорошо, сестра Уоттс.

Я стараюсь не показывать, что мне приятно. Я ведь сертифицированная сиделка, двенадцать лет проработала в этой сфере.

– Вот и умница. Диаз сегодня сводит тебя на прогулку. Тридцать минут. Все как доктор прописал. – Я улыбаюсь Алисии в ответ, глядя ее по волосам. Она уже перестала икать.

– Будете мне писать?

Я киваю.

– И можешь звонить мне когда угодно. – Сжав ее руку на прощание, я снова встаю и иду к Коннолли, который терпеливо меня ждет. На пороге я останавливаюсь и оглядываюсь на Алисию, а потом мысленно ставлю галочку, чтобы не забыть отправить ей письмо, когда доберусь до дома. – Со временем станет легче.

Алисия смущенно машет мне рукой:

– Удачи вам там.

Мы с Коннолли идем к контрольно-пропускному пункту. Заключенные из других камер прощаются со мной.

– Не теряйся, слышишь?

– Будем скучать, мама.

– Береги себя, Скито! (Это сокращение от «Москит». Меня так называли, желая оскорбить, но я восприняла эту кличку как комплимент. Москиты упрямые, они не сдаются.)

Я машу им всем с видом королевы Елизаветы, но от воздушных поцелуев воздерживаюсь. Не стоит превращать все в фарс. Мы с Коннолли идем дальше.

В коридоре меня чуть не сносит Стивенс. С виду она самый что ни на есть настоящий бульдог – приземистая, крепкая, щеки обвисшие, иногда пускает слюни.

– Скатертью дорожка, – бурчит Стивенс.

До моего появления она здесь всеми командовала. Пряники не в ее стиле, ей знаком только метод кнута. Но на одной грубой силе и у страшии далеко не уедешь, а с такими крупными противниками, как я, – вообще с места не

сдвинешься. Свергнуть ее было проще простого. Неудивительно, что она меня ненавидит.

Я кокетливо машу ей:

– Всего самого наилучшего, Стивенс.

– Не трави больше маленьких девочек, – рычит она.

Задушить ее нельзя, так что я пытаюсь убить ее добротой: улыбнувшись, делаю вид, что я сама безмятежность, а потом бросаюсь догонять Коннолли.

Контрольно-пропускной пункт выглядит крайне непримечательно: длинный коридор с бетонным полом, слишком белые стены и изоляторы с окнами из толстого стекла. Коридор заканчивается небольшой офисной зоной, где стоят столы, компьютеры и сканеры. Прямо как в какой-нибудь бухгалтерской конторе, только все работники носят значки и пистолеты.

Кресло за стойкой администратора развернуто к радио. Передают новости. «После короткой рекламной паузы, – говорит ведущий, – мы вернемся к истории пропавшего младенца из Индианы. А также поговорим о том, могут ли конфеты вызвать рак. Это и многое другое – скоро в эфире нашей радиостанции». Я не смотрела, не слушала и не читала новости с тех пор, как был вынесен приговор. СМИ уничтожили мое доброе имя. Из-за них со мной четыре года не разговаривала родная дочь.

Я прожигаю взглядом радиоприемник. Кресло разворачивается, и я понимаю, что знаю сидящего в нем служащего. Я привыкла мысленно называть этого лысого крепкого мужчину «мистер Пропер». Мы с ним встретились пять лет назад. В тот день он без усталости флиртовал со мной, спрашивая, что у меня за парфюм, а я только отмахивалась. Мне приходилось изображать непринужденность, а мой разум в это время обуревали злость из-за несправедливого приговора и страх перед тем, что меня ждало в ближайшие пять лет. С тех пор мы больше не виделись. До сегодняшнего дня.

– Пэтти Уоттс? – говорит он, выключая радио.

Я киваю.

– Я вас помню, – улыбается он.

Мистер Пропер достает какой-то документ из ящика, а затем исчезает за дверью склада, чтобы через несколько минут вернуться с небольшой картонной коробкой в руках. Он дает мне листок:

– Мне нужно, чтобы вы проверили все по описи и поставили подпись, подтверждающую, что вам вернули все, с чем вы сюда поступили.

Я открываю коробку и окидываю взглядом вещи, прежде чем нацарапать свою подпись.

– Можете переодеться в обычную одежду, – говорит мистер Пропер, указывая на туалет и подмигивая мне, пока Коннолли не смотрит. Я запрокидываю голову и шаркающей походкой удаляюсь, прижимая к себе коробку.

В кабинке я срываю с себя рубашку с надписью «ДЕПАРТАМЕНТ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ» во всю спину и начинаю копаться в своих вещах. После пяти лет на тюремном пайке я чувствую, что мои любимые джинсы слегка мне великоваты – к счастью, они на резинке. Я натягиваю футболку с Гарфилдом и красную толстовку с эмблемой муниципального колледжа, где я училась. Мои старые носки стали жесткими от пота, но все равно они лучше, чем тюремные, из грубой шерсти. Я влезаю в белые кроссовки и замечаю последнюю вещь на дне коробки. Это медальончик в форме сердца. Я беру его, планируя положить в карман, но потом все же застегиваю на шее. Пусть увидит, что я надела ее детский подарок.

Я выхожу из туалета и отдаю пустую коробку мистеру Проперу.

– Ну, удачи там. – Он снова подмигивает.

Мы с Коннолли проходим через освещенный флуоресцентными лампами коридор контрольно-пропускного холла, ведущий к парковке.

– Тебя встречают, Уоттс?

– Да, сэр. За мной скоро приедут. – Я не уточняю, кто именно: хотя Роуз Голд уже двадцать три, некоторые до сих пор видят в ней болезненную маленькую девочку. Не все обрадуются нашему воссоединению. Некоторым плевать на то, что я не спала ночами, следя за показаниями приборов каждый раз, когда она попадала в больницу. Они не знают всей глубины моей материнской любви.

Мы останавливаемся у дверей. Я тянусь к ручке, чтобы толкнуть ее, и чувствую покалывание в кончиках пальцев. Коннолли почесывает усы, подстриженные под Тома Селлека[2 - Американский телевизионный актер, снимался в сериале «Частный детектив Магnum» в 80-х годах.].

– Родителям жены очень понравились вареники по тому рецепту.

Я радостно хлопаю в ладоши:

– Я же говорила!

Помедлив, Коннолли добавляет:

– Мне явно удалось впечатлить Марту. Вчера она даже не стала спать на диване.

– Постепенно все образуется, сэр. Она оттаит. Продолжайте читать ту книгу. – В последние месяцы я натаскивала нашего надзирателя по книге «Пять языков любви»[3 - Книга Гэри Чепмена по саморазвитию, снискала большую популярность в США и в других странах.].

Коннолли улыбается и, кажется, не может подобрать слова.

– Ну-ну, не раскисать, – шучу я, хлопая его по плечу.

Он кивает:

– Удачи, Пэтти. Пообещай мне, что я тебя тут больше не увижу, ладно?

– Сделаю все, что в моих силах, – говорю я.

Коннолли уходит. Его огромные, как у клоуна, ботинки шлепают по линолеуму. Я провожаю надзирателя взглядом. Когда Коннолли вваливается в какой-то кабинет и закрывает за собой дверь, я остаюсь один на один с пугающей тишиной. Вот и все. Департаменту исполнения наказаний штата Иллинойс больше ничего от меня не нужно.

Я стараюсь не обращать внимания на гулкий стук в груди. Открыв дверь, я выхожу под слепящее солнце, почти ожидая, что вот-вот раздастся сирена и замигают красные лампы. Но здесь нет никакого подвоха. Входи, выходи – никому нет дела. Я могу пойти в кино, в церковь или в цирк. Я могу оказаться на улице в грозу без зонта или попасться вооруженным грабителям. Я свободна, и со мной может случиться все что угодно. Я вытягиваю пальцы, чтобы поймать прохладный ноябрьский ветерок. Приложив ладонь ко лбу козырьком, я окидываю взглядом парковку, высматривая старый фургон «шевроле», но кругом только море седанов. И ни души.

Она приедет с минуты на минуту.

Я сажусь на хрупкую скамейку, она со скрипом прогибается под моим весом. Несколько минут я, нахмурившись, пытаюсь устроиться поудобнее, но потом, бросив эту затею, встаю и снова начинаю ходить взад-вперед.

Наконец я вижу, как мой темно-красный фургон сворачивает на длинную однополосную дорогу, ведущую к зданию тюрьмы. Машина подползает ближе, а я приглаживаю волосы и одергиваю край толстовки. Я откашливаюсь, как будто собираюсь что-то сказать, но вместо этого лишь молча смотрю. Когда фургон въезжает на парковку, я уже могу разглядеть узенькие плечи и русые волосы дочери.

Я наблюдаю за тем, как Роуз Голд паркует машину. Потом дочь глушит мотор и откидывается на спинку сиденья. Я представляю, как она на минуту прикрывает глаза. Кончики ее прядей, достигающих до груди, опускаются и поднимаются с каждым вдохом и выдохом. Роуз Голд с самого детства мечтала о длинных волосах и вот наконец отрастила.

Я где-то читала, что у человека на голове в среднем около ста тысяч волос – у блондинов больше, у рыжих меньше. Интересно, сколько прядей умещается в кулаке? Я представляю, как заключаю дочь в объятия и накручиваю ее волосы на

руку. Я всегда говорила Роуз Голд, что с бритой головой намного лучше. Так ты менее уязвима – не за что схватиться. Но дочери никогда не слушают матерей.

Она поднимает голову, и наши взгляды встречаются. Роуз вскидывает руку и машет мне, будто королева красоты с подиума. Моя рука тоже взмывает в воздух в ответном радостном жесте. Я замечаю очертания детского кресла на заднем сиденье фургона. Там, должно быть, пристегнут мой внук.

Я схожу с тротуара и делаю шаг навстречу своей семье. Прошло почти двадцать пять лет с тех пор, как я в последний раз родила. Через несколько секунд крохотные пальчики малыша коснутся моей руки.

2.

Роуз Голд

Пятью годами ранее, ноябрь 2012

ВРЕМЕНАМИ МНЕ ВСЕ еще не верилось, что я могу читать все, что захочу. Я водила пальцами по фотографиям на глянцевых страницах. Вот шикарная пара на пляже – они стоят, взявшись за руки. Вот лохматый парнишка нырнул в ждущую его машину. Вот сияющая мать идет по улицам Нью-Йорка, держа на руках дочь. Все это были известные люди. Я знала, что мать – это певица по имени Бейонсе, но остальные были мне незнакомы. Любая другая восемнадцатилетняя девушка наверняка без труда назвала бы их всех.

– Роуз Голд?

Я вздрогнула. Передо мной стоял наш менеджер Скотт.

– Мы открываемся, – сказал он. – Ты не могла бы отложить журнал?

Я кивнула. Скотт пошел дальше. Может, надо было извиниться? Он злится на меня или просто выполняет свои обязанности? Вдруг мне за это объявят выговор? Я ведь должна уважать начальство. И еще я должна быть хитрее него.

Маме всегда удавалось всех обыгрывать.

Я посмотрела на выпуск «Сплетника», который держала в руках. Я искала в нем упоминания о маме. Пока шли слушания, о нас вышло целых три статьи. Теперь же, в первый день ее тюремного заключения, таблоидам было нечего сказать. Как и крупным газетам. Начало маминого срока было отмечено лишь кричащим заголовком в местной газетенке под названием «Вестник Дэдвика».

Я вернула журнал на полку. Скотт принялся хлопать в ладоши, обходя магазин и крича:

– Улыбка – это часть вашей униформы, ребята!

Я бросила взгляд на Арни за второй кассой. Тот закатил глаза. Я его чем-то разозлила? Что, если он больше никогда не будет со мной разговаривать? Что, если он скажет всем, что я чокнутая? Я отвела взгляд.

Охранник отпер двери «Мира гаджетов». За ними никто не ждал. По утрам в воскресенье здесь было тихо. Я попыталась включить свет над кассой. Большая желтая цифра пять не загорелась. Мама всегда говорила, что перегоревшая лампочка – это к неприятностям.

У меня в желудке что-то сжалось. За прошедший год я привыкла к страху. Я боялась каждого знакового для судебного процесса дня – и того, когда стороны произносили вступительные речи, и того, когда я давала показания, когда были объявлены вердикт и мера наказания. Но теперь репортерам было наплевать на то, что Ядовитая Пэтти отправилась за решетку. Никто, кроме меня, не помнил о том, что сегодня первый день ее заключения. Она была бы на свободе, если бы я не дала показания в суде. Я не разговаривала с ней с самого ареста.

Я попыталась представить свою мать – метр шестьдесят пять, крепкого телосложения – в оранжевом комбинезоне. Что, если надзиратели будут ее бить? Или она разозлит опасную заключенную? Что, если ей станет плохо от тюремной еды? Я знала, что должна бы радоваться таким перспективам. Я понимала, что должна ненавидеть свою мать (потому что все постоянно спрашивали меня об этом).

Но я не хотела представлять ее такой, какой она должна была быть сейчас – в сливовых синяках, бледной от нехватки солнца. Мне хотелось помнить ту женщину, что меня вырастила, широкоплечую, с сильными руками, которые могли за несколько минут замесить тесто для хлеба. С волосами, короткими и почти черными благодаря дешевой краске из коробочки. С пухлыми щеками, с носом картошкой и с широкой улыбкой, освещавшей все лицо. Я обожала мамину улыбку, потому что мне нравились ее зубы, белые, ровные и аккуратные, как ее шкафчик с документами. Но больше всего меня восхищали ее бледные зелено-голубые глаза. В них читались внимание и сочувствие. Они излучали доброту и надежность, так что ей даже не нужно было ничего говорить. Когда она сжимала мои пальцы своей мощной рукой и обращала на меня свой аквамариновый взгляд, я чувствовала, что с ней мне никогда не будет одиноко.

– Роуз Голд, верно?

Я снова вздрогнула. Передо мной стоял вылитый диснеевский принц. Я узнала его. Этот парень все время приходил покупать компьютерные игры.

Подросток указал на мой бейдж.

– Ладно, я схитрил. Я Брендон, – сказал он.

Я смотрела на парнишку молча, боялась, что он уйдет, если я скажу что-нибудь не то. Тот не сводил с меня глаз. Может, у меня что-то на лице? Я схватила его покупки, лежавшие на ленте: видеоигру с солдатом, держащим винтовку, на обложке и четыре пачки арахисового «Эм-энд-эмса».

Брендон продолжил:

– Я учусь в старшей школе Дэдвика.

Значит, он младше меня. Мне уже исполнилось восемнадцать и я получила школьный аттестат.

– Понятно, – сказала я, понимая, что нужно добавить что-то еще. Почему со мной вообще заговорил такой симпатичный парень?

– Ты тоже там училась?

Я подняла руку и почесала нос, чтобы прикрыть зубы.

– Я была на домашнем обучении.

– Круто. – Брендон улыбнулся, глядя себе под ноги. – Я хотел спросить, не хочешь ли ты сходить со мной куда-нибудь.

– Куда? – Я уставилась на него в шоке.

Он рассмеялся:

– Ну, типа, на свидание.

Я окинула взглядом пустой магазин. Брендон стоял передо мной, сунув руки в карманы, и ждал ответа. Я подумала про Фила, моего парня по переписке.

– Я не знаю.

– Да ладно тебе, – сказал Брендон. – Честное слово, я не кусаюсь.

С этими словами он перегнулся через прилавок. Между нашими лицами осталось сантиметров тридцать. У него на переносице были крошечные веснушки. От него пахло мылом, которое обычно используют мальчишки. Мое сердце пустилось в щенячьи попрыгушки. Может, у меня наконец будет первый поцелуй. Это будет считаться изменой, если я никогда не видела своего парня по переписке вживую?

Брендон подмигнул мне, а потом закрыл глаза. Как у него все так просто выходит? Мне тоже нужно закрыть глаза. Но что, если я промажу и поцелую его в нос вместо губ? Значит, надо с открытыми. Попытаться с языком? В журналах писали, что иногда можно использовать язык. А зубы нет. Зубы нельзя.

Зубы. Я не могла подпустить его так близко к своим зубам. Да и Скотт мог нас увидеть. Между нашими лицами оставалось меньше десяти сантиметров: я сама не заметила, как наклонилась над прилавком. У меня ничего не выйдет. Я не

готова. Я резко отстранилась.

– Время неподходящее, – пробормотала я.

Брендон открыл глаза и наклонил голову набок:

– Что ты сказала?

– Я говорю, время неподходящее. – Я задержала дыхание.

Он отмахнулся:

– Да я еще и не предлагал никакого время. Ты что, всегда занята?

Я вообще никогда не бывала занята, но не отвечать же так. Я хрустнула костяшками пальцев и попыталась сглотнуть. Во рту у меня пересохло.

Брендон приподнял брови:

– Хочешь, чтобы я умолял?

Я представила, как проведу следующие сорок восемь часов, заново переживая этот разговор во всех подробностях. Нужно заканчивать, пока я не натворила чего-нибудь. Я заправила за ухо прядь волос, коротких и тонких.

– Извини, – сказала я, глядя на футболку Брендона.

Брендон отступил на шаг от кассы. Его щеки залились краской, а улыбку сменил оскал. Наверное, я все же умудрилась сказать что-то не то. Вздвогнув, я замерла в ожидании.

– Значит, ты слишком занята, изображая, что тебе нужна инвалидная коляска?

У меня упала челюсть. Я тут же прикрыла рот ладонью.

– Думаешь, ты от кого-то спрячешь такие зубы? Они просто уродские. И ты уродина, – прошипел Брендон.

Не плакать, не плакать, не плакать.

– Я пригласил тебя на свидание, потому что поспорил с другом, – добавил он. Будто по сигналу, из-за второй кассы с довольным видом выскочил еще один мальчишка. Мои глаза начали наполняться слезами.

– Это ты-то мне будешь отказывать? – фыркнул Брендон и, держа в руках фирменный пакетик «Мира гаджетов», удалился. Его дружок дал ему пять. Первая крупная слеза скатилась по моей щеке.

Как только они ушли, я убежала из-за кассы, не обращая внимания на следившего за мной Арни. Я вспомнила Малефисенту, Джафара, Стервеллу Де Виль, Шрама и Капитана Крюка: в конце злодеи всегда получали по заслугам.

В комнате для персонала никого не было. Я закрыла за собой дверь и заперла ее на замок. Так сильно я не плакала уже два месяца, с тех пор как озвучили вердикт по делу моей матери.

После работы я села за руль маминого помятого фургона и поехала домой. До моей квартиры было почти пятнадцать километров. Я получила права два месяца назад. Мне помогла мамина бывшая лучшая подруга Мэри Стоун, она записала меня на курсы вождения, а потом отвезла в Департамент автотранспорта, чтобы я сдала тест и практический экзамен за рулем. Служащий, выдававший мне документы, сказал, что я первая в этом месяце получила высший балл. Иногда я садилась в фургон и кружила по району – просто так, потому что могла.

Я припарковалась возле своего многоквартирного дома. Когда я устроилась кассиром в «Мир гаджетов», все та же миссис Стоун помогла мне дешево снять квартиру в Дэдвике. Жилой комплекс «Шеридан» оказался обшарпанным четырехэтажным зданием. Миссис Стоун сказала, его построили, когда она была ребенком. Иногда ко мне в гости заглядывали мыши, зато я платила за квартиру меньше четырехсот долларов в месяц. Как говорила миссис Стоун, надо же с чего-то начинать. Правда, я понятия не имела, что именно я начинаю.

Я закрыла машину и пошла к дому по бетонной дорожке. Наступая на каждую трещину, я представляла Брендона. Вдруг у меня в кармане завибрировал телефон.

Фил: Хочешь поболтать?

Я: О да. У меня был плохой день.

Фил: Что случилось?

В квартире я скинула ботинки и сразу пошла к весам в ванной. Я съехала из маминого дома девять месяцев назад и с тех пор набрала почти четырнадцать килограммов, но в последнее время вес перестал расти. Я посмотрела вниз. По-прежнему сорок шесть.

Я вышла в коридор, не глядя в зеркало. Сейчас у меня не было сил на привычные дела. (Шаг первый: проверить, помогают ли отбеливающие полоски. Я ставила каждому зубу оценку от одного до десяти и записывала результаты в блокнотик, чтобы отследить улучшения. Шаг второй: приложить измерительную ленту к волосам, чтобы узнать, насколько они выросли. Я перепробовала все: капсулы с рыбьим жиром, биотин, витамины, но ничего не помогало. Волосы никак не желали расти быстрее. Шаг третий: осмотреть себя с ног до головы, изучить каждую часть тела и составить перечень того, что мне не нравится. Я постоянно держала в голове этот список, чтобы знать, над чем нужно поработать.) Я старалась проводить такой осмотр не чаще раза в день, а в плохие дни, как сегодня, и вовсе пропускала его. Я выключила свет в ванной. Хотелось есть.

На кухне я бросила в микроволновку замороженные макароны с сыром по-мексикански, прислонилась к столу и прочитала описание блюда на упаковке. Интересно, какая на вкус эта колбаса чоризо. С тех пор как я стала жить одна, я питалась в основном хлопьями и замороженными готовыми блюдами. Я пыталась научиться готовить, но никак не могла правильно рассчитать время. Овощи у меня подгорали, рис выходил недоваренным. Я слишком привыкла к тому, что кто-то готовит еду за меня, пусть даже меня кормили детскими питательными смесями типа «Педиашур». Иногда я зажигала свечи в стаканах, как делала мама, чтобы ужин казался более праздничным.

Микроволновка запищала, и я достала из нее макароны. Даже не садясь за стол, я сорвала пластиковую обертку и аккуратно положила в рот пасту, прижимая прохладные зубчики вилки к языку. Закрученные макаронины, покрытые острым сыром «Монтерей Джек», покорно скользнули в пищевод, понимая, что для них это дорога в один конец. Сухарики захрустели у меня на зубах. Потом я вдруг почувствовала вкус специй – чоризо оказалась очень пикантной! У меня даже глаза заслезились. По коже побежали мурашки. Мне никогда не надоест пробовать все эти новые вкусы.

Я открыла холодильник, вытащила коробку с готовым перекусом – в этой лежали крекеры, ломтики индейки и кусочки чеддера – и упаковку шоколадного молока. Сначала я собиралась попить прямо из пачки, но потом представила горящий огнем взгляд мамы и все же налила молока в стакан.

Я: Какой-то школьник притащился в магазин и вел себя как мудак.

Мне нравилось употреблять слова типа «мудак». Раньше мне не разрешали ругаться.

Я: В общем, проехали.

Я: А у тебя как прошел день?

Я всегда надеялась, что слишком строга к себе. Не могут же все остальные считать меня такой уродиной, какой вижу себя я. Какой меня увидел Брендон. Моя тощая фигура больше подошла бы шестилетнему мальчишке, чем взрослой женщине. Грудь не выросла. Зубы были гнилые и неровные. Даже набрав вес, я все еще оставалась слишком худой. Сиденье в автобусе было для меня слишком большим. Никто не считал меня красивой, даже мама, которая часто называла меня прекрасным человеком, но вот красивой девушкой – никогда. В этом вопросе она почему-то предпочитала быть честной.

Фил: Вот скотина.

Фил: А у меня сегодня снежно.

Пару лет назад Фил переехал в Колорадо, чтобы чаще кататься на сноуборде. Он уговорил родителей отпустить его жить к тете с дядей, у которых был домик в предгорьях Передового хребта, в семидесяти километрах от Денвера. Именно эти бунтарские черты в сочетании с романтическим интересом ко мне и привлекли меня. А еще Фил помог мне понять, что делала со мной мать, чем, по сути, спас мне жизнь. Я нашла его в чате для знакомств, когда мне было шестнадцать, вскоре после того, как я убедила маму подключить нам интернет, чтобы мне было проще учиться. Она разрешала мне заходить в сеть всего на сорок пять минут в день, но, когда она засыпала, я снова включала компьютер, чтобы поболтать с Филом. Теперь, два с половиной года спустя, мы переписывались каждый день. Правда, никаких звонков и видео. Спонтанная речь давалась мне не очень хорошо. Во время переписки у меня хотя бы было время обдумать ответ. Я боялась рисковать, потому что не хотела потерять Фила.

Выбросив пустой контейнер из-под макарон, я взяла с собой коробку с перекусом и пошла в комнату. Там я уселась в кресло, купленное на гаражной распродаже, и выдвинула встроенную подставку для ног. Я положила кусочек чеддера и ломтик индейки на крекер, но потом замерла. Мне кажется или у меня в желудке какое-то странное чувство?

Вслух я сказала:

– Все в порядке, мне не вредно есть макароны.

Я взяла с журнального столика диски: «Алиса в Стране чудес» и «Пиноккио». В детстве мне разрешали смотреть только три мультика: «Спящую красавицу», «Золушку» и «Красавицу и Чудовище», – так что теперь я наверстывала упущенное. Пока что я успела ознакомиться примерно с половиной диснеевских мультфильмов, которые были в наличии в местном видеопрокате. И ни один из них не смог превзойти «Русалочку». Я пересматривала ее уже тридцать раз и хотела довести это число до тридцати трех – на удачу.

Но сейчас мне не хотелось ничего смотреть. Я уставилась на свои брюки цвета хаки и синюю форменную рубашку. Завтра я надену все то же самое, буду поправлять все те же журналы на полке и сидеть за той же кассой в ожидании очередного мудака, который придет в «Мир гаджетов», чтобы сказать мне, какая я уродина.

Что, если Брендон снова придет? Что, если я столкнусь с ним на заправке или в супермаркете? Пожалуй, я слишком драматизирую. У меня есть парень, полноценная работа, я сама снимаю квартиру. Я ходила к стоматологу, который сказал, что, если вырвать часть зубов и установить мост на имплантах, у меня будет чудесная белоснежная улыбка. С тех пор я начала откладывать по пятьдесят долларов с каждой зарплаты на новые зубы. Я двигаюсь к цели. Какая разница, что там думает какой-то красавчик? Брендон мне никто.

– Вовсе ты не уродина, – сказала я вслух. У меня на душе было скверно, беспокойно. Я сама себе не верила.

Я не готова была переехать в другой город. Почти всю свою жизнь я прожила в одном доме, выходя из него только на прием к врачу, в гости к соседям и в школу, пока мама не перевела меня на домашнее обучение. И хотя большинство жителей Дэдвика меня раздражало, вокруг были знакомые лица. Хоть что-то. Я смогу и дальше держаться, лишь бы у меня были старые добрые коричневые диваны, продуктовый магазин на углу и миссис Стоун, известная своим фирменным овсяным печеньем и неиссякаемым оптимизмом, в пяти минутах езды на машине. Переезжать мне пока рано. Но ненадолго сменить обстановку не помешает.

«Составь список», – шепнул мне мамин голос. И я мысленно перечислила всех своих знакомых, которые сейчас жили не в Дэдвике: мама, Алекс, которая жила в Чикаго, и Фил в далеком Колорадо. Мы с Филом никогда не обсуждали возможность увидеться. Встреча лицом к лицу разрушила бы все фантазии. Увидев меня, Фил, возможно, тоже решил бы, что я уродина. Может, он даже бросил бы меня. Но что-то все же не давало мне успокоиться.

Следующие сорок пять минут я провела, обдумывая текст сообщения, а потом наконец решилась спросить напрямую.

Я: А что, если я приеду к тебе в гости?

Я: Мне нужно куда-нибудь выбраться ненадолго.

Три точки повисли на моем экране. Он все печатал, печатал, печатал. Я принялась обрывать заусенцы. Не строй воздушных замков.

Фил: Сейчас неподходящее время. Прости, милая.

Фил: Может, через пару месяцев?

Я наконец выдохнула. Мне не хватило смелости спросить, почему именно сейчас неподходящее время. Вместо этого я составила новый список под названием «Почему мой парень не хочет со мной встретиться: возможные причины». Может, у него есть другая девушка. Может, отношения со мной для него интрижка на стороне. Может, ему не разрешают ни с кем встречаться. Может, он не умеет кататься на сноуборде. Может, на самом деле он выглядит хуже, чем на фото. Может, он догадывается, что я совсем не та милашка, которую он рассчитывает увидеть. Хотя я специально назвалась ненастоящим именем, чтобы меня невозможно было найти.

До выходки Брендона у меня ни разу не было даже намека на первый поцелуй. Восемнадцать – это и так уже слишком поздно. Это я вычитала в журнале «Севентин». Я решила, что нужно еще поработать над отношениями с Филом. Он мой единственный шанс. К тому же, если нам суждено быть вместе, когда-нибудь мы все-таки встретимся?

Я постучала пальцами по подлокотнику кресла, пытаюсь придумать что-нибудь еще. Можно съездить в Чикаго. Алекс, моя лучшая подруга (и дочь миссис Стоун), уже несколько месяцев предлагала мне приехать посмотреть город. Ехать туда три часа на машине, бензин обойдется не так уж дорого.

Я открыла переписку с Алекс в телефоне. «Думаю, я смогу приехать в гости!» – набрала я, после чего нажала на голубую стрелочку и закусил губу. Потом я немного полистала наш диалог. Алекс не ответила на последние три сообщения,

что я ей отправила. Я бы начала волноваться, если бы она не публиковала посты в соцсетях буквально каждый день, в деталях расписывая, как прекрасно она проводит время со своими городскими друзьями. В последние несколько месяцев я взялась за изучение этих сайтов, чтобы разобраться, как там все устроено. Я даже набралась смелости и создала аккаунт на одном из них, но до сих пор ничего не выложила. Я не могла решить, что поставить на аватарку.

Я снова посмотрела на диски из видеопроката, но в итоге вставила в проигрыватель «Русалочку» – единственный диск, который я купила.

Прошло тридцать минут, но Алекс не отвечала. На этот раз даже Скотт и Себастьян не могли меня отвлечь. Мне казалось, что над моей головой плавают неоновые вывески с надписью «УРОДИНА», а две мигающие стрелочки указывают прямо на меня. Это слово было выбито у меня лбу, на щеках, на языке. Я закуталась в полосатый, как зебра, флисовый плед – его сделала для меня мама – и натянула его до самого подбородка. Но и под пледом гадкое слово не оставило меня, оно стало стучать в ушах. Я представила, как оно бежит по венам вместе с кровью. Пришлось потрясти головой, чтобы прогнать эти мысли. Надо было просто не обращать внимания на эту сволочь или дальше листать журнал.

Журнал! Я снова схватила телефон и полистала почту в поисках старых писем. Одно из них было от Винни Кинга, журналиста, который писал статьи для «Сплетника» и несколько раз просил меня дать интервью в обмен на пару сотен баксов. Я пробежалась взглядом по письму.

«СМИ нарисовали образ слабой жертвы, несчастной маленькой девочки. Не пора ли донести до людей правду?»

Тогда я верила в провидение. Я считала, что у всех событий в жизни есть смысл.

Когда Винни Кинг впервые обратился ко мне, я все еще ходила с пищевым зондом. Я только-только переехала из нашего дома к миссис Стоун. Социальная служба прикрепила ко мне психотерапевта. Репортеры лагерем стояли у каждого здания, где, как они думали, я могла прятаться. К моменту, когда я дала показания против матери, мои силы были на исходе. Мне хотелось публично опровергнуть ложь и показать всем истину, но интервью с прежней Роуз Голд обернулось бы катастрофой. Я живо представляла себе газетные заголовки, утверждавшие, что дочь, как оказалось, такая же чокнутая, как и

мать. Они и так были не самыми приятными: «МАТЬ БЕЗЖАЛОСТНО МОРИЛА ДОЧЬ ГОЛОДОМ». Но это было тогда.

Сейчас я обрела равновесие. Конечно, многое оставляло желать лучшего. Я до сих пор комплексовала из-за веса. Некоторые блюда все еще вызывали у меня приступы тошноты, хотя я была уверена, что сама себя накручиваю. Я не умела общаться с ровесниками. Ублюдки типа Брендона до сих пор выбивали меня из колеи.

Может, я не готова была обсуждать воспоминания, которые так успешно прятала в себе весь этот год. Но у меня был выбор: либо я мирюсь с тем, что люди, которые ничего обо мне не знают, будут и дальше оскорблять меня, либо я рассказываю обо всем со своей точки зрения. СМИ уже не интересовались ни мной, ни мамой; Винни не писал мне уже несколько месяцев. Но, возможно, мне удастся убедить его выслушать меня. А деньги за интервью потрачу на новые зубы. Или на поездку к Филу в Колорадо.

Алекс до сих пор не ответила на мое сообщение. Ариэль на экране согласилась расстаться с голосом.

Я поспешила набрать номер Винни Кинга, пока не передумала. Раздались гудки. Я опустила взгляд и посмотрела на ноги. Шнурки развязались. Она думает обо мне.

3.

Пэтти

Я ИДУ ЧЕРЕЗ ПАРКОВКУ к дочери. Роуз Голд спрыгивает с водительского сиденья. Она примерно метр пятьдесят ростом и потому кажется совсем маленькой рядом с массивным фургоном. Нескладный подросток, которого я помню, превратился в двадцатитрехлетнюю женщину. У нее прямые жидкие волосы, они тусклые, не светлые и не темные. Маленький курносый носик придает ей сходство с мышонком. На ней мешковатые джинсы и толстовка с круглым вырезом. Роуз Голд бежит ко мне, как всегда, не наступая на пятки, как

будто бетон усыпан горячими углями. С виду она здорова и в полном порядке. Кроме зубов.

Зубы торчат из ее десен в разные стороны, напоминая старинные надгробия на кладбище. Все они разных оттенков желтого – от эгг-нога[4 - Эгг-ног – сладкий напиток кремового цвета на основе сырых куриных яиц и молока. Популярен в США, Канаде и других странах.] до дижонской горчицы. У корней некоторые еще темнее, цвета грязи. Края зубов острые и неровные. Она смотрит на меня с улыбкой – или скорее ухмылкой, – напоминая мне тыкву, вырезанную к Хеллоуину. Кому-то эти зубы покажутся уродливыми. Но для меня важнее история, которую они могут поведать. Они напоминают мне о том, как желудочный сок годами разрушал эмаль. Эти зубы – свидетельство стойкости Роуз Голд.

Мы встречаемся посреди парковки. Роуз Голд первой тянется ко мне.

– Ты на свободе, – говорит она.

– Ты стала матерью, – отвечаю я.

Несколько секунд мы просто обнимаемся. Чтобы не вызвать подозрений излишней заинтересованностью, я мысленно считаю до пяти, прежде чем спросить:

– Можно мне познакомиться с малышом?

Роуз Голд отстраняется. Она смотрит на меня с улыбкой, но я вижу в ее глазах тень настороженности.

– Конечно, – отвечает Роуз.

Я приближаюсь к фургону вслед за ней. Роуз Голд открывает заднюю дверь. А вот и он, ждет нас, пристегнутый в детском кресле. Глазеет по сторонам, болтает ножками. Наш малыш Адам. Ему всего два месяца. Я невольно тяну пальцы к его ножке в носочке и принимаюсь ворковать над ним. Он издает булькающий звук, а потом показывает мне язык. Я радостно смеюсь. Потом тянусь к застежке ремня безопасности, но понимаю, что забылась, и

поворачиваюсь к Роуз Голд:

– Можно?

Она кивает. Ее взгляд мечется – прямо как у ее сына – между моим лицом и младенцем. Я отстегиваю ремень и достаю малыша из кресла.

Я обхватываю его руками, прижимаюсь носом к его макушке и делаю вдох. Нет ничего чудеснее, чем запах новорожденного ребенка. На секунду мне даже показалось, что на руках у меня Роуз Голд, и мы снова в нашем доме, и она в кои-то веки не плачет, не задыхается и не кашляет.

– Он похож на тебя, – говорю я, бросая взгляд на дочь.

Она снова кивает, глядя на ребенка с таким пристальным вниманием, что я понимаю: дочь меня не слушает. Я узнаю этот взгляд, полный обожания: Роуз Голд души не чает в своем сыне.

Я переключаю внимание на Адама, который смотрит на меня своими любопытными карими глазками. Он опять показывает язык, а потом засовывает сразу несколько пальцев в рот. Обычно младенцы похожи на маленьких морщинистых старичков, но Адам выглядит очень даже мило. Очаровательный малыш. Но мы, Уоттсы, никогда не могли похвастаться внешностью, так что скоро и он растеряет красоту. Ну а пока он просто прелесть и лапушка. Лучшего внука нельзя и пожелать. Я вздыхаю.

– А ведь кажется, только вчера ты навещала меня с растущим животиком, – говорю я, передавая малыша Роуз Голд. – О, милая, он просто чудо.

Она кивает и укладывает ребенка обратно в кресло.

– Я тоже так думаю. Однажды он проспал всю ночь, не просыпаясь. – Она укрывает его одеялом до самого подбородка – такая заботливая миниатюрная мамочка. Малыш улыбается, глядя на нас. На его щеках появляются ямочки. Мы обе расплываемся в ответной улыбке.

Роуз Голд поворачивается ко мне:

– Ну что, поехали?

Я киваю. Мы одновременно тянемся к водительской двери. Осознав свою ошибку, я обхожу машину. Я купила этот фургон, когда Роуз Голд была совсем маленькой. И никогда еще не сидела на пассажирском сиденье.

В салоне Роуз Голд снимает толстовку и остается в заношенной футболке. Моя дочь, похоже, снова начала терять вес. Я думаю, не сказать ли ей об этом, ведь большинство молодых матерей были бы очень рады это услышать – сама я за двадцать три года так и не вернулась в форму, – но все же решаю промолчать. Для Роуз Голд это никогда не было комплиментом.

За рулем она кажется совсем маленькой. Такая машина больше подходит крупному водителю вроде меня. Однако Роуз Голд легко справляется с ней: выруливает с парковки и устремляется обратно по длинной дороге. Моя дочь вцепилась в руль обеими руками. Костяшки ее пальцев побелели от напряжения. Интересно, когда она получила права. Я ей раньше не разрешала делать это. Я представляю, как вырываю у нее руль и фургон вылетает на обочину.

У всех бывают такие мысли. Что, если я закричу посреди совещания? Что, если я вдруг обхватю его лицо руками и поцелую? Что, если я воткну ему в спину нож, вместо того чтобы его убрать в ящик? Вот она, разница между здоровыми и сумасшедшими: здоровые знают, что можно совершить что-то безумное, – и не делают этого.

Я замечаю, что молчание затянулось.

– Спасибо, что приехала за мной.

Роуз Голд кивает:

– Каково это – наконец оказаться на свободе?

Я задумываюсь на несколько секунд.

– Страшно. Тревожно. Но в целом – потрясающе.

– Еще бы. – Она покусывает губу. – И что теперь? Тебе нужно ходить на общественные работы, к психотерапевту или что-то типа того?

Еще чего, стану я трудиться на общество, которое бросило меня в тюрьму. Все детство Роуз Голд я была образцовой соседкой, ходила убирать мусор возле дороги и играла в бинго со стариками. Если мне понадобится психотерапевт, придется платить за него самой. Таких денег у меня нет, а если б и были, я бы не стала отдавать их за то, что какой-то шарлатан перечисляет мне мои недостатки. Со мной сидела одна женщина, в прошлом мозгоправ, она дала мне бесплатный совет.

Она предложила мне составить список целей для возвращения в общество. Сказала, что если я буду все время занята, то у меня не будет времени ввязываться в неприятности. Я не стала говорить ей, как много у меня было дел в месяцы, предшествовавшие аресту.

Вот какой я составила список:

1. Найти жилье. Мой дом перешел в собственность банка после того, как я попала в тюрьму.

2. Найти работу. В больнице мне работать больше нельзя, но у меня есть один неплохой вариант от старой тюремной подруги. Когда Ванда вышла на свободу, она открыла некоммерческую организацию, помогающую отсидевшим женщинам устроиться в новой жизни. В самой организации тоже работают бывшие заключенные, а называется она «Свобода 2.0». («А как же женщины, которые отсидели, к примеру, двенадцать раз? – спросила как-то я. – Для них название будет “Свобода 13.0” или как?» – «Пэтти, – протянула Ванда, – твой ум – это твое величайшее преимущество и в то же время твой самый большой недостаток». Мне часто делают вот такие сомнительные комплименты.) В последнем своем письме Ванда говорила что-то об удаленной работе оператором колл-центра.

3. Наладить отношения с Роуз Голд. Когда год назад дочь впервые пришла меня навестить, она злилась и задавала вопросы. Я шаг за шагом завоевывала ее расположение. Скоро все будет как раньше.

4. Убедить друзей и соседей в моей невиновности.

Все отрицать – не самая плохая стратегия. Да, пусть придется показать, что я ничего не понимала и в упор не видела правды. Но есть огромная разница между тем, кто не видел правды, и тем, кто ее скрывал. Люди скорее простят тебя, если будут думать, что ты и впрямь ничего не понимал. Пусть называют меня недалекой. Пусть считают, что я ошибалась. Это не худший вариант.

Я бросаю взгляд на Роуз Голд. У меня есть только один шанс.

– Мне нужно где-то остановиться на первое время, – говорю я, старательно изображая непринужденность.

Дочь не реагирует, продолжая следить за Адамом через зеркало заднего вида. Я надеялась, что Роуз Голд сама предложит и просить не придется. Возможно, она относится ко мне не так хорошо, как я думала. Я отворачиваюсь к окну. Мы едем по шоссе, вокруг только бесконечные кукурузные поля и больше ничего. Эту тюрьму построили у черта на рогах. Я стараюсь сохранить спокойный тон.

– Я подумала, может, я поживу у тебя какое-то время. Совсем чуть-чуть, пока не устроюсь в жизни, – добавляю я. – Я помню, ты говорила, что у тебя совсем маленькая квартира.

Роуз Голд переводит взгляд на меня и смотрит так долго, что мне становится страшно. Мне кажется, мы сейчас вылетим на обочину. Спустя минуту Роуз Голд отвечает:

– Я уже не живу в той квартире.

Удивившись, я поворачиваюсь к ней.

– Я купила дом, – с гордостью объявляет она. – Не роскошный особняк, конечно, но зато с тремя небольшими спальнями, ванной и двором.

Бинго!

– Что ж, если у тебя есть свободная комната, я была бы рада провести с тобой побольше времени. Я могла бы помочь тебе с ипотечными выплатами, когда выйду на работу.

Я даже готова сидеть с Адамом, пока Роуз Голд на работе, но решаю повременить с этим предложением. Меня раздражает нервный стук собственного сердца. Я восемнадцать лет давала дочери кров. Отчего бы ей теперь не приютить меня?

– Мы проделали большой путь с тех пор, как я начала навещать тебя в тюрьме, – медленно говорит Роуз Голд. – Мне не стоило верить во все, что насочиняли журналисты. Я жалею, что пошла на поводу у прокурора.

Похоже, все складывается неплохо, поэтому я молчу, чтобы она почувствовала, что сама принимает решение. Может, я даже дождусь извинений.

Дочь поворачивается ко мне:

– Но ты зря всю жизнь ограждала меня от остального мира. И теперь я уже не ребенок.

Я киваю, не реагируя на этот оскорбительный выпад. Я не могу ввязываться в ссору из-за каждой несправедливости. Скоро дочь сама поймет, что желание оберегать свое дитя никогда не покидает мать и не важно, сколько лет ребенку.

– Я не хочу, чтобы наши отношения испортились, едва наладившись. Если я соглашусь попробовать, если ты будешь жить со мной, то помни: мой дом – мои правила, – дрожащим голосом объявляет она. Хватит легкого дуновения ветерка, чтобы разрушить ее уверенность. – Я хочу, чтобы мы были во всем честны друг с другом.

Я снова киваю, старательно сдерживая радостное волнение. Несколько секунд Роуз Голд молчит, покусывая ноготь.

– Ладно, давай попробуем. Можешь пожить в одной из свободных комнат.

Она улыбается. Я знаю, что это искренняя улыбка, потому что дочь забывает прикрыть зубы. Я хлопаю в ладоши от радости и сжимаю ее плечо – ничего не могу с собой поделать. Удивительно: совсем недавно мы ругались через стол в тюремном зале для свиданий, а теперь снова будем жить вместе! Как я могла сомневаться в родной дочери? Разумеется, моя кровиночка не могла не взять

меня к себе. Ведь я ради нее принесла столько жертв. Она мне всем обязана.

– Ты уверена? Я не хочу на тебя давить.

Роуз Голд глубоко вздыхает, не сводя глаз с зеркала заднего вида.

– Если ничего не выйдет, ты всегда можешь съехать и жить отдельно. Но я не хочу, чтобы первую ночь на свободе ты провела в каком-нибудь мотеле. Это немногим лучше тюрьмы.

– О, милая, я буду очень рада пожить у тебя. И с удовольствием посижу с Адамом, если тебе нужна будет помощь. – Эти слова сами срываются с моих губ. Я не успеваю вовремя прикусить язык.

– Посмотрим.

В ее голосе не слышно восторга, но она коротко улыбается мне, прежде чем снова перевести взгляд на зеркало заднего вида. Что она там высматривает? Родная дочь перестала быть для меня открытой книгой.

На какое-то время разговор обрывается, мы просто сидим рядом и молчим, и почти всю дорогу я пытаюсь понять, какое это молчание – приятное или напряженное. Когда тишина становится невыносимой, я включаю радио. В эфире звучит Eye of the Tiger[5 - Глаз тигра (англ.)] группы Survivor. Песня тут же поднимает мне настроение. Обожаю музыку восьмидесятых. Я начинаю постукивать по подлокотнику в такт.

Когда мы доезжаем до поворота на Дэдвик, Роуз Голд сворачивает с шоссе. У меня невольно опускаются плечи. Если описать этот городок одним словом, я бы сказала, что он бурый. Там все чахнет – либо от избытка снега, либо от недостатка дождя. К тому же вряд ли безмозглые местные жители устроят праздник по случаю моего возвращения.

Я надеюсь, что ее дом в новой части города, застроенной таунхаусами и жилыми комплексами. Не сказать, что дома там красивые и большие, но зато они далеко от старых воспоминаний.

Мы останавливаемся на светофоре возле «Кейси», городской автозаправки. Я с удивлением замечаю, что бензин стоит меньше доллара за литр. На светофоре загорается зеленый свет, и мы сворачиваем направо, на север. Значит, старая часть. Ну разумеется, мне не везет.

На центральной улице Роуз Голд сбрасывает скорость, так что фургон ползет по черепашьи медленно. Я стараюсь смотреть прямо перед собой, чтобы не узнать случайно чье-нибудь вытянутое серое лицо за окном и не поймать взгляд маленьких черных глазок-бусинок. Мои соседи, люди, которых я считала лучшими друзьями, не стесняясь порочили мое доброе имя на протяжении всего судебного процесса: «ХИЩНИЦА И ЧУДОВИЩЕ – ТАК СОСЕДИ НАЗЫВАЮТ ЯДОВИТУЮ ПЭТТИ УОТТС». С тех пор я ни с кем из них не виделась и не разговаривала.

Мы едем уже больше часа, и у меня нет сил молчать. Я начинаю как можно более непринужденно:

– Фил не звонил?

Роуз Голд бросает на меня недовольный взгляд.

– Я же сказала, мы расстались.

– Я думала, что это не насовсем. Надеялась, что ему хватит порядочности и он решит поучаствовать в воспитании своего ребенка.

Роуз Голд хрустит суставами пальцев, не убирая рук с руля. Напряжение нарастает.

– Ты же не собираешься читать мне еще одну лекцию про никчемных отцов?

– Нет, конечно. – Я откладываю на потом речь, состоящую из шести пунктов. Я готовила ее с последнего визита Роуз Голд.

Мою дочь нельзя было оставлять без присмотра. Несколько лет без меня – и вот она уже беременная брошенка. Соседи могут сколько угодно ворчать о моих диктаторских замашках и называть мой подход к воспитанию сомнительным. Но

им не понять, как сильно я нужна ей и как ей повезло, ведь я готова взять управление ее жизнью на себя. Ничего, никто и глазом моргнуть не успеет, а я уже подлатаю этот тонущий корабль.

– Может, ужасные отцы – это проклятие всех Уоттсов. – Губы Роуз Голд кривятся в усмешке. – И потом, ты всегда говорила, что без Гранта мне только лучше.

Так и есть. Я сказала ей, что ее папа умер от передозировки еще до ее рождения. Весьма своевременный и удобный для меня несчастный случай. Да, она никогда не видела отца, зато могла представлять его хорошим человеком. А он им не был.

– Ну, теперь ты не одна. Я с тобой. – Я широко улыбаюсь. Все пятьдесят восемь лет с улыбкой на лице. Пора вручить мне медаль.

Роуз Голд продолжает смотреть в зеркало заднего вида. Придерживая руль коленями, она вытирает ладони об штаны. На ткани остаются потные следы. Неужели из-за меня нервничает?

Она включает поворотник, и я вдруг понимаю, что мы едем очень знакомой дорогой. Свернуть с шоссе направо, потом долго по прямой, снова направо, два раза налево. Мои внутренности стискивает ледяная рука тревоги. Мне снова десять лет, я сижу на заднем сиденье после тренировки в бассейне и со страхом жду возвращения домой.

– Мам? – зовет Роуз Голд. – Ты меня слышишь? Что хочешь на ужин?

Я прогоняю воспоминание.

– Давай я сама что-нибудь приготовлю, милая?

Дочь едва заметно вздрагивает.

– В благодарность за то, что ты согласилась меня приютить.

Роуз Голд снова поворачивает направо. Мы уже на соседней улице. Может, моя дочь свернула не туда? Фургон замедляется – мы приближаемся к знаку «Стоп»

на пересечении Эвергрин-стрит и Эппл-стрит. Я стискиваю подлокотник. На лбу выступают капельки пота. Я уже несколько десятков лет не сворачивала налево по Эппл-стрит. В той стороне всего два дома, и один из них заброшен.

Фургон медлит у знака остановки, словно ему тоже не хочется ехать дальше. Мне кажется или Роуз Голд специально заставляет меня ждать? Машина замирает, в салоне никто не двигается, даже Адам. Роуз Голд включает поворотник и крутит руль влево. Но это невозможно. В том доме сейчас живут мистер и миссис Пибоди.

Фургон ползет по Эппл-стрит. Вдоль улицы растут деревья, но в это время года на них ни листочка. Посреди дороги яма; во времена моего детства ее там не было. Как и отбойника в тупике, которым заканчивается улица, – интересно, когда его успели поставить? Я пытаюсь осмыслить происходящее. Может, кто-то отремонтировал старый дом Томпсонов. Но отсюда его уже видно, и он все такой же полуразрушенный, каким я его помню с детства.

Мы проползаем мимо границы участка и останавливаемся у номера двести один по Эппл-стрит: двадцать соток земли и маленький одноэтажный жилой дом. Это коричневое кирпичное здание по-прежнему ничем не примечательно: оно унылое, но видно, что все эти десятилетия за домом ухаживали. Сзади участок огорожен высоким деревянным забором. «Чтобы подонки всякие не совались», – так сказал мне много лет назад отец, вбивая опоры в землю.

Я смотрю на Роуз Голд, разинув рот, и не могу даже сформулировать вопрос. Она въезжает на участок и открывает гараж, нажав кнопку на пульте, который прикреплен к солнцезащитному козырьку. Дверь начинает открываться. Гараж двухместный и не пристроен к дому.

– Сюрприз, – нараспев произносит Роуз Голд. – Я купила дом, в котором ты выросла.

Я настолько в шоке, что не в состоянии собрать слова в предложение.

– А Пибоди?

– Джеральд умер в прошлом году, а Мейбл переехала в дом престарелых. Но мы договорились, что они продадут мне дом, когда будут готовы. Это была очень

выгодная для меня сделка. За такие деньги я бы ничего здесь не купила.

Роуз Голд ужасно горда собой, прямо как в тот день, когда научилась завязывать шнурки. Она загоняет фургон в гараж, где пусто вато без отцовского садового инвентаря и ящиков «Будвайзера».

К горлу подкатывает тошнота.

– Я хотела подождать пару недель, прежде чем показывать его тебе, – думала, успею тут все отделать. Но, может, ты как раз и поможешь мне с этим. – Понизив голос, она сжимает мое плечо, повторяя мой недавний жест. – Раз уж мы решили помириться и все такое.

У меня в голове глухо, как в комнате, обитой коврами. Я пытаюсь переварить новости, но все застилает одна мысль: я не могу войти в этот дом.

Роуз Голд достает ключ из замка зажигания и открывает дверь.

– Я так и знала, что ты удивишься. – Самодовольно улыбнувшись, моя дочь вылезает из машины.

– Ты же знаешь, что здесь произошло, – говорю я, все еще пытаюсь отойти от шока. – Так почему ты вдруг решила купить этот дом?

Глаза Роуз Голд широко раскрываются.

– Я подумала, что будет здорово, если семейное гнездо останется у нас, – возражает она серьезно. – Четыре поколения Уоттсов! Ты только подумай! Это же наша история!

Она открывает заднюю дверь и начинает сюсюкать с Адамом. Он дергает ножками. Роуз Голд достает его из детского кресла.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Прямоугольное печенье с начинкой, покрытое глазурью.

2

Американский телевизионный актер, снимался в сериале «Частный детектив Магnum» в 80-х годах.

3

Книга Гэри Чепмена по саморазвитию, снискала большую популярность в США и в других странах.

4

Эгг-ног – сладкий напиток кремового цвета на основе сырых куриных яиц и молока. Популярен в США, Канаде и других странах.

Глаз тигра (англ.).

Купить: https://telnovel.com/vrobel-_stefani/milaya-rouz-gold

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)